

РАЗДЕЛ 1.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕКРЕАЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 332.012

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ Э. ДЮРКГЕЙМА И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕГИОНОВЕДЕНИИ

Быстрянец С. Б

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: bistryanstev@yandex.ru*

В фундаментальной работе Багрова Н. В. «Региональная геополитика устойчивого развития» много внимания уделяется методологии. В статье развивается одно из возможных методологических направлений, развивающих конкретные программы геополитических исследований. Процедура классификации заимствована Дюркгеймом Э. в естественных науках, прежде всего биологии. Классификация представляет собой процедуру объединения информации в некую обобщенную категорию. Классификацию чаще всего проводят, ориентируясь на процедуры последующего сравнения и выдвижения концепции. Цель классификации – попытка сравнить, обобщая в концепции, дискретные, возможно, мало между собой связанные массивы данных. Это очень подходит политическому регионоведению, имеющему междисциплинарный характер.

Ключевые слова: Э. Дюркгейм, методология, классификация, региональная геополитика.

Политическое регионоведение в настоящее время переживает в России период становления. Базовые и близкие политическому регионоведению академические науки – социология, политология и политическая теория – имеют серьёзный пробел. Они принимают во внимание общество «в целом», общество в пределах государственных границ и правовых режимов, не имеют привязки «к месту». Социология изучает крупные «социальные общности» с самых разных сторон, политические науки изучают «политические системы и режимы» и различные их модификации. Однако и социологические и политологические науки не уделяют должного внимания факту географической, природной привязки сообщества к местности. В социологии этот недостаток общесоциологической теории восполняет социология территориальных общностей, а в политических науках – появившееся в настоящее время в России политическое регионоведение. Политическое регионоведение нашло свою исследовательскую нишу именно в изучении территориальности как качества, определяющего качества и место иных характеристик сообщества, рассматриваемых в качестве системы.

Появляясь несколько позже других общественных дисциплин, политическое регионоведение не может не использовать их выводы и методологию, поэтому такое знание неизбежно носит междисциплинарный характер. Политическое регионоведение комплексно изучает понятие «регион» как совокупность

демографических, миграционных, экономических, политических, языковых, культурно-исторических и иных процессов. Именно на уровне региона эти социальные процессы зарождаются, развиваются, проходят некие стадии жизненного цикла. Разумеется, в какой-то момент они становятся частью жизни всего общества, однако именно региональный уровень является питательной средой для них. На макроуровне они малозаметны, являются частью общеполитического, общеэкономического, общекультурного пространства.

Дробление единого социального пространства даёт большое количество объектов наблюдения. Для их упорядочения с целью последующего включения в исследовательские программы рациональнее всего использовать метод классификации, хорошо известный в социальных науках и достаточно простой. Метод классификации может использоваться в политическом регионоведении довольно широко и как вспомогательный, и как основной. Присмотримся к нему внимательнее.

Классификация представляет собой процедуру объединения информации в некую обобщенную категорию. Классификацию чаще всего проводят, ориентируясь на процедуры последующего сравнения и выдвижения концепции. Цель классификации – попытка сравнить, обобщая в концепции дискретные, возможно, мало между собой связанные массивы данных. Это очень подходит политическому регионоведению, имеющему междисциплинарный характер.

Со времен Реформации английская философия науки сформулировала великую эмпирическую традицию. Вначале это были просто отдельные попытки оторваться от диктата церкви в постановке экспериментов и наблюдении физических явлений. Или робкие попытки отклониться от раз и навсегда выдвинутой Аристотелем задачи исследователя – процедур поиска цели как конечной причины. Естествоиспытатели, вместо того чтобы наблюдать за природой согласно заранее установленным понятиям об искомом (аксиомам), стали изучать отдельные явления, а по результатам полученных данных выводить общие принципы.

Этот новый и «истинный» путь был приложен к эмпирической науке в двух вариантах. Первый вариант – искать законы в процессе наблюдения и поступления информации о наблюдаемых явлениях посредством простых процедур перечисления и регистрации, то есть отмечать характеристики как можно большего числа повторений явления и последующего их обобщения. Второй вариант – это попытка описать и классифицировать объекты, конечно, прежде всего, физического и органического мира, предпринятая естествоиспытателями вскоре после Бэкона. Эта его идея охватывала и развивавшуюся тогда географию, оказывавшую большое влияние на все социальные науки в виде направления географического детерминизма.

На ранних стадиях развития биология с её тщательными наблюдениями и описаниями, с последующей процедурой классификации на основе наблюдаемых характеристик была парадигмальной эмпирической наукой. «Истинный путь научных процедур» Бэкона стал путем биологии, тесно связанной с географией.

Стремление учёных-обществоведов к эмпирическим процедурам, методам и парадигмальность биологии неизбежно привели к попыткам применить к

исследованию социальных явлений процедуры, доказавшие свою состоятельность в биологии. Наиболее убедительную попытку сделал Дюркгейм Э., попытавшись процедурно совместить методы естественных наук и социологические методы, чтобы добиться признания академического статуса социологии.

В работе «Метод социологии» [1] выделено пять стадий и процедур научного исследования. В упрощенном виде они выглядят следующим образом:

- процедура определения социального факта как вещи в плане какой-либо наблюдаемой характеристики;
- описание нормальных и патологических фактов после изучения многих случаев;
- процедура классификация социальных фактов по родам, видам, классам и т. д.;
- сравнительное и каузальное изучение причин разнообразия;
- процедура поиска и формулировки общего закона, возникающего по мере исследования.

Дюркгейм иллюстрирует данную схему рассуждениями на тему исследований экономического характера, которые нельзя не упрекнуть в догматичности. «Если бы стоимость изучалась в экономической теории так, как должна изучаться реальность, то экономист указал бы сначала, по какому признаку можно узнать предмет, носящий данное название, он классифицировал бы затем его виды, постарался бы индуктивным путем определить, под влиянием каких причин они изменяются, сравнил бы, наконец, добытые им различные результаты и вывел бы из них общую формулу» [1]. Теперь с величайшим почтением к авторитету великого социолога и признанием за ним больших заслуг в развитии науки попытаемся критически оценить, как изложенную выше схему применить в научных исследованиях, в частности в политическом регионоведении.

Первая рекомендованная Дюркгеймом процедура явно включает в себя две отдельные задачи. Для того, чтобы указать на характеристики, при помощи которых можно описать ту или иную вещь, нужно, прежде всего, выделить область исследования и далее определять, какого рода «вещи» (будем далее пользоваться терминологией Дюркгейма) будут обнаружены в этой области. В биологии с этой точки зрения всё обстоит просто. Её областью изучения признается жизнь растений и животных, а затем обозначаются ключевые характеристики каждого вида. К сожалению, Дюркгейм, которого явно увлекла биологическая простота, не делает различия между указанными двумя задачами, и его общая характеристика социологического метода оказалась довольно сбивчивой вследствие недостаточной детализации автором данной процедуры. Изучая регион, упрощая социальную реальность, исследователь получает возможность следовать рекомендациям Дюркгейма наиболее полно. Это путь политического регионоведения.

В любом случае, очевидно, что реализация обеих задач очень сложна, когда их пытаются реализовать в отношении исследования социальных данных. Ясно, что невозможно определенно указать характеристики, которые разделяют сферы

социальной жизни с такой же однозначностью, как это делают биологи или географы. Не всегда целесообразно искать в социальном мире «вещи», которые надо классифицировать по видам, как это делают с растениями и животными (классификация по возрасту, полу, весу, расе и т. д. возможна, но особого смысла для социологии не имеет). В связи с такой особенностью социальной реальности невозможно применить методологии биологического образца в социологии или такой комплексной науке, как политическое регионоведение без серьёзных искажений.

Действительно, очень сложно найти эмпирически наблюдаемую характеристику, особенно если объект носит социально-политический характер, которая могла бы расчленивать социальную реальность на хорошо различимые элементы. Дюркгейм видит здесь проблему, поэтому его собственное определение социального включает сложную теоретическую конструкцию. Определяя социальные факты, составляющие общество, французский социолог отмечает прежде всего то, что они являются внешними по отношению к индивиду и оказывают на него принудительное воздействие, «навязываются» ему [1]. В этом известнейшем абзаце Дюркгейм, как ни странно, ничего не говорит об эмпирических характеристиках социальных фактов. Но он совмещает перспективу ученого-наблюдателя с перспективой наблюдаемого участника, который может по-своему отличать социальный факт от факта несоциального. Поэтому создается впечатление неопределенности. Недостаточность такого определения вынуждает его уточнять и дать второе определение социального факта как «способа действий», который является обычным для данного общества и в то же время существующим независимо от его индивидуальных проявлений. Но и второе определение не более удовлетворительно, чем первое: проблема эмпирического признака не решается. И автор подтверждает: «...Второе определение есть лишь другая форма первого».

Следует признать, что попытка Дюркгейма зафиксировать чисто эмпирические критерии социального, подобные тем, которыми оперируют биологи, была неудачной, хотя и очень актуальной. Эта неудача понятна. Те реальные данные, которые интересуют социологию и которые она стремится объяснить, состоят из человеческого поведения и его результатов, составляющих предмет изучения других общественных дисциплин: психологии, экономики, истории и других. Разница заключается не в содержании данных, а в различных теоретических подходах, при помощи которых эти данные объясняются и интерпретируются. И такая интерпретация может носить регионоведческий характер.

Всё-таки можно сделать попытку определять «вещи» различного типа, которые мы почему-то отнесли к «социальным вещам», через эмпирические характеристики. Дюркгейм ведь настаивал «рассматривать социальные факты как вещи». И здесь встречается серьёзное препятствие: мы не воспринимаем социальный мир дискретно как мир, собранный из ряда отдельно стоящих вещей, каждая из которых обладает специфическим пространством. Так делают биологи, изучая жизнь животных и растений. Для общественных наук «основное правило» главы 2 в работе Дюркгейма, известное каждому социологу, звучит необычно [1]. Смысл этой настойчивости заключается в том, чтобы подтолкнуть социолога к использованию

метода и процедур классификации. Именно этот метод предполагает восприятие мира через категорию «вещи». Однако если мы не воспринимаем мир именно таким образом, если мы понимаем, что сложно концептуализировать наш опыт в таких категориях, то классификационный метод может быть использован только ценой значительного искажения эмпирической реальности. И здесь такой метод более конкретен в своих наблюдениях. Политическое регионоведение ближе к методологии классификации.

Короллари Дюркгейма, следующие далее в главе «Правила, относящиеся к наблюдению социальных фактов», являются следствием определения социального факта как вещи. Но и здесь нет уточнения этого тезиса. Автор в большей степени обеспокоен тем, чтобы противостоять идеологизации социологического анализа или, как он говорит, тенденции «фокусировать наше сознание для анализа и объединения наших идей». Он настаивает на необходимости изучения социального мира за пределами наших голов. Социальный мир состоит из социальных отношений, смысл которых может анализироваться в плане целей, устремлений, ожиданий, идей, связывающих людей. Проблематично, можем ли мы о таком мире размышлять, как о мире, состоящем из абстрактных вещей. Понятие региона ближе к объективной реальности, чем иные социологические дефиниции.

В социологии мир общественных отношений часто рассматривается как упорядоченный в систему или как процесс, имеющий некую временную перспективу. В этих случаях базовой категорией выступает «элемент», но ни в коем случае не «вещь» или «тип вещи». Критика такого волюнтаристского использования сравнительного метода присутствовала уже в социальной антропологии в работах функционалистов. Они указывали на неправомерность проведения сравнительных исследований чего-то подобного жертвенным обычаям, потому что обычай теряет смысл, значение, если его вырывают из социокультурного контекста. Тип исследовательских действий, который допускает процедуру рассмотрения «социального факта как вещи», это сравнительное изучение ассоциаций и институтов, подобных профсоюзам, видов местного самоуправления, социополитических регионов или политических партий.

Может показаться, что в политической, экономической области или юриспруденции ученый сталкивается с простым набором фактов, которые здравый смысл готов рассматривать как вещи, совершенно независимо от того, относятся ли они к сфере социального или нет. По этой причине нужно признать утилитарную пользу исследований классификационно-биологического типа в социологии, независимо от нашей способности указать на эмпирический критерий для различения социального. Территориальность даёт исследователю большие возможности, чем социология или экономика. Здравый смысл признает возможность существования определенных классов вещей, и социолог может, не нарушая общую картину социального мира с точки зрения здравого смысла, описывать и классифицировать. Следовательно, в социологии, где роль здравого смысла велика, в довольно ограниченных областях могут использоваться

заимствованные Дюркгеймом у биологов процедуры сбора образцов и классификационные методы и процедуры. В региональных исследованиях это ещё более простая процедура.

На следующей стадии социологического исследования Дюркгейм предполагает процедуру различения нормальных и патологических социальных фактов [1]. Постановку такой проблемы можно представить в любой научной области, независимо от предмета исследования. Нет дисциплины, в которой однотипные образцы не отличались бы друг от друга при детальном рассмотрении. Но, дополняя то, о чём пишет Э. Дюркгейм, считаю нужным отметить, что в биологии и социологии проблема различения приобретает преувеличенное значение, по крайней мере, по двум причинам.

1. Очевидно, что социальный мир и мир, изучаемый биологами, даёт большее разнообразие образцов, чем, например, мир физический или иной.

2. Физик иногда может обойти проблему объяснения, формулируя изолированный закон, касающийся частного эмпирического опыта, без заявки на включение его в общую физическую картину. Биологу это сделать сложнее, а социологу просто невозможно.

Если отсутствует ранее сформулированная общая теория, есть возможность общими словами писать об определенном классе объектов. Но сам факт того, что мы можем называть вещь, уже является показателем факта присутствия у нас общей идеи социальной реальности, которую мы и привязываем к названию. Одна из характеристик научного знания – точность, поэтому необходимо прояснить вопрос об общей теории и уточнить категориальный аппарат. Это обычный путь развития науки, по этому пути идёт и политическое регионоведение.

Дюркгейм предлагает несколько иной путь. Нужно получить нечто среднее по всем или по основным характеристикам наблюдаемых образцов и сконструировать тип, обладающий всеми этими средними характеристиками. Этот усредненный тип определяется как нормальный. Возможно, идею о среднем Дюркгейм воспринял от Аристотеля, но нам важно сейчас обратить внимание на биологизаторскую трактовку нормального среднего как «здорового». Главное же здесь то, что, за исключением изучения социальной патологии, общие социологические утверждения относятся к средним, то есть нормальным типам. Это непосредственно можно отнести к дефиниции «региона» или «центра».

Идея Дюркгейма о среднем типе в истории социологии получила более привычный для российских социологов противовес в «идеальных типах» Вебера М. [2]. Цель Дюркгейма главным образом описательная. Выбирается для изучения средний тип, так как невозможно изучить каждый из множества социальных случаев, и усреднение рассматривается как основная процедура достижения некоторой степени обобщения, всё остальное составляет по возможности достоверное описание социальных фактов. Вебер М., со своей стороны, отличает свой «идеальный тип» от понятия среднего типа. Он настаивает, что цель его построения не описательная, а объяснительная. А также замечает, что «идеальный тип» – научная конструкция, а не то, что появляется из самого социального факта. Средний тип Дюркгейма Э. можно охарактеризовать как низкую степень

процедурной концептуализации, а идеальный тип Вебера М. – как более высокую степень.

Но всё же нужно отметить совпадения во многих аспектах этих двух методологических конструкций. Более внимательное рассмотрение процедуры выделения среднего типа Дюркгейма показывает, что функция среднего типа несколько шире, чем просто описательная [1]. Он предлагает рассматривать нормальный тип («средний случай») как «гипотетическое существо, которое сконструировано путем собирания в одном и том же индивиде наиболее часто встречающихся форм». Это приближает средний тип к идеальному типу. Процедура выделения «идеальных типов» Вебера настаивает на формулировках его в конкретных свойствах, а не в абстрактных формулах так, чтобы они могли быть отнесены к «объективно возможным» способам действия. В то же время идеально типическое следует отличать от реального значения для эмпирически существующего действующего индивида. Очевидно, что на практике идеальные типы будут сравниваться с реальными примерами мотивированного действия. И действительно, знаменитые идеальные типы бизнес-этики периода раннего капитализма М. Вебер взял из документов Бенджамина Франклина, реальной исторической фигуры [3].

Совпадение и различие двух процессуальных концепций среднего социального факта и идеального типа демонстрируют дилемму, с которой, естественно, сталкивается каждый ученый, проводящий эмпирические исследования. Дилемма связана с тем, что всегда есть возможность идти к наиболее «общим аксиомам» путем непрерывного восхождения, о котором писал Ф. Бэкон. Невозможно в то же время совершать непрерывное нисхождение, применяя общие принципы для объяснения социальных фактов. Средний тип Дюркгейма, вероятно, – более теоретическая конструкция, чем ему позволяет это признать его эмпиризм. Идеальные типы Вебера М., вероятно, менее чистые, чем он признает. Обе концепции созданы авторами для использования в том случае, если теория и эмпирическое описание вступают в противоречие друг с другом. Без такого рода концепций обобщающая наука об обществе была бы невозможна, такова концепция политического регионоведения.

Третий этап процесса исследования, предлагаемый Дюркгеймом, несомненно, должен быть использован в исследованиях политического регионоведения. Это стадия процедуры классификации, которая в биологии является решающей. Но и здесь использование чисто эмпирического подхода при осуществлении этой процедуры приводит к трудностям. Основная проблема при создании классификаций заключается в том, чтобы выделить наиболее важные характеристики, в соответствии с наличием этих характеристик в исследуемых единицах. Но на какие характеристики обращает внимание Дюркгейм как на существенные, крайне важные характеристики? Можем ли мы судить об этом до того, как узнаем достаточно много о сравнительной анатомии и физиологии исследуемых единиц?

Дело в том, что до тех пор, пока у нас не будет каких-то теоретических гипотез, с которыми мы могли бы работать, мы будем вынуждены пользоваться трудоемким методом проб и ошибок. Например, если бы перед нами была поставлена задача классифицировать городские сообщества, мы бы столкнулись с большим выбором оснований для классификации. Следует ли их классифицировать по типам промышленности или в соответствии с плотностью автомобильного движения на дорогах, в соответствии с процентом православных христиан, атеистов и так далее. Для биологии метод проб и ошибок довольно долгое время был основным и даже единственным методом. Но очевидно, что прогресс науки был бы более быстрым, а исследования более эффективными, если бы можно было выдвинуть некую гипотезу, позволяющую судить о структурных характеристиках изучаемого объекта. И политическое регионоведение представляет собой именно такую гипотезу. Сам Дюркгейм использует такого типа гипотезы. Например, указывает на основной фактор при классификации различных обществ – степень их внутренней дифференциации, а также солидарности, которая, в свою очередь, рассматривается как следствие размера населения и «динамической плотности» общества.

Классификация со времен Аристотеля – универсальная и всесторонняя процедура научного объяснения. Она объясняет, демонстрируя логические отношения между классифицируемыми единицами. Поэтому многие исследования и в естественных, и в общественных дисциплинах и поныне исчерпываются классификацией. Биолога додарвинистского периода можно понять, если он полагал, что нет необходимости, помимо проведения процедуры классификации, в дальнейшем теоретическом объяснении. Тем не менее Дарвин сделал шаг вперед и показал, что многообразие видов, которое классификация Ламарка трактовала как должное, раз и навсегда данное, можно объяснить теорией более высокого порядка концептуализации – теорией эволюции путем естественного отбора [4]. Дюркгейм должен был понимать эту методологическую коллизию.

Если это так, то политическое регионоведение должно процедурно идти за социальной морфологией в поисках законов общественной эволюции на уровне региона. И законы эти должны были включать два элемента. С одной стороны, они должны были объяснить последовательность смен социальных форм, с другой – описывать механизм, посредством которого одна форма преобразуется в другую. Дюркгейм дает подробные ответы на эти процедурные вопросы в работе «О разделении общественного труда» [5].

Там он, как известно, выделяет две основные формы общества, которые могут базироваться на механической и органической солидарности. Последняя, как отмечает Дюркгейм, развивается из первой, в то время как размер и динамическая плотность человеческого общества возрастает. Таким образом, фактор, используемый как основа для процедуры классификации социальных видов, также используется для объяснения эволюции в обществе.

Однако в «Правилах социологического метода» Дюркгейм не затрагивает единственно только проблемы социальной эволюции. Его интересуют проблемы социальной психологии, то есть процессы и деятельность, которые поддерживают структуру социальных видов. К несчастью, как мне кажется, он часто смешивает

эти два вопроса, это ведет к самому неудовлетворительному, необъективному отношению к вопросам психологии и не разъясняет его взгляды на социальную эволюцию.

Но всё же по первому вопросу Дюркгейм выражается ясно, и это важно. В социальной физиологии должны преобладать каузальные исследования, а не функциональные. Среди тех социологов, которые рассматривают биологические и социологические методы как аналогичные, например Герберт Спенсер, Гумплович Л., Смолл А., Самнер У., присутствует широко распространенная тенденция изучения действий социальных структур без выяснения причин, их вызывающих [6; 7]. В этом случае появляется сразу два уязвимых для критики пункта. Во-первых, это вносит в научные объяснения что-то вроде телеологии, во-вторых, исследователь испытывает искушение придавать некое функциональное значение социальной активности, не предлагая адекватной эмпирической трактовки, не подтверждая это фактами. Дюркгейм имеет в виду эти тенденции, когда говорит о социологах, предполагающих, что они объяснили явление, показав, как оно полезно, какую роль играет в современной ему жизни общества, подобрав аргументы только с точки зрения указанной роли и целей, которые оно преследует [1].

Совершенно верно и важно, что французский исследователь обратил внимание на это, но нечеткость трактовки природы социальных фактов, которые и должны исследоваться, принижает значение исследования причинно-следственных связей в области социальной жизни. Для Дюркгейма, строго говоря, структура и деятельность не являются элементами социального организма, как, например, для Редклифф-Брауна [8]. Скорее она просто частная характеристика общества. Поэтому вопрос о том, какие каузальные отношения связывают деятельность и структуры в социальном организме (проблема социальной физиологии), игнорируется, а исследователь снова возвращается к вопросу о причинах возникновения социальных видов (проблема социальной эволюции).

Дюркгейм в своей книге постоянно настаивает на классификационном аспекте в научном методе, версии биологов. Дальше этого он не идет, не высказывает какого-либо мнения о методах социальной физиологии. В последнее время можно заметить в области биологических дисциплин значительное развитие экспериментальной физиологии, объект которой – причинно-следственные отношения, существующие между структурами и процессами в живых организмах. Такого же типа исследования, только не на экспериментальной, а на компаративной основе очень важны для развития современного российского политического регионоведения. Именно они обсуждаются в главе «Правила, касающиеся доказательства» работы Дюркгейма [1].

Любопытной чертой работы Дюркгейма, невзирая на склонность ученого к эмпиризму, является чрезмерное стремление найти общую формулу, которая была бы ключевой в его анализе. Пробегая взглядом через все фазы, составляющие, с его точки зрения, научный процесс, можно заметить периодические ссылки на общую

теорию. В обобщенном виде это мысль, что социальный мир состоит из социальных видов, имеющих друг с другом эволюционные отношения, переходящих друг в друга, и что механизм, который объясняет эти переходы, нужно видеть в изменяющемся размере и динамической плотности общества. Несомненно, это не та теория, которая возникает из фактов. Это общая теория, которую Дюркгейм принимает априорно, как должное, и которая скрепляет его методологию. Она, как мы видим, близка политическому регионоведению.

Заключительной стадии социологического исследования, которую сам Дюркгейм называет «абстрактной общей формулой», можно достичь только если учёный будет строго придерживаться аналогии с исследовательским алгоритмом биологии, после тщательного изучения сравнительной анатомии и физиологии различных социальных видов. Более того, этой формулы нельзя достичь просто путем абстрагирования. Теория должна сыграть на этой стадии важную созидательную роль. В теории должны быть определены элементы, и из этих элементов нужно попытаться выстроить модель, которая как можно более сжато показывала бы многообразие форм физиологического и анатомического существования социальных типов. Однако ещё раз заметим, что Дюркгейм не предполагает обнаружение такой формулы в течение своего краткого эссе о методе, и изложенная им общая теория только смазывает различия между заключительными стадиями научного исследования, образцом для которого служит биология.

Теперь можно делать выводы о пользе заимствования социологами «биологического» подхода к исследованиям, которое настойчиво предлагает Дюркгейм. В первую очередь, нужно признать существование «вещей» в социальном мире на региональном уровне, которые хорошо различимы, дискретны, могут быть выделены из общего социального контекста. Их можно описать отдельно от других «вещей» и с ними можно провести процедуру классификации и подобные ей. Мы можем также признать, что в таких исследованиях полезно попытаться сформулировать «средненормальный» тип, чтобы в последующем иметь возможность различать отклонения («патологии»). Такого типа сравнительные исследования можно проводить по поводу различных общественных институтов, ассоциаций людей или процессов, подобных индустриализации, революции. Однако после выхода за пределы очерченного круга вопросов чрезмерное настаивание на копировании биологических процедур снижает качество исследования, начинает вводить в заблуждение.

Например, неверно искусственно делить историю на отдельные стадии общественного развития, а затем пытаться просчитать формулу перехода одной стадии в другую. Только собственно история того или иного общества может дать представление о процессе социальной эволюции. Историю нельзя домыслить, изучая социальные типы. Скорее социальные типы – это то, что мы выделяем из процесса истории. Конечно, они нужны, потому что позволяют ориентироваться в историческом материале. Но последовательность их смены, механизмы их воспроизводства более или менее известны. Нет необходимости изобретать ещё один закон эволюции, чтобы объяснить их динамику. Хотя это ни в коем случае не снимает актуальности и важности изучения процесса социальной эволюции.

Возражение вызывает посыл, что общественные науки изучают «вещи», о судьбе и эволюции которых ничего неизвестно. Это как раз и навязывает нам искусственная аналогия с методами биологии.

Не подлежит сомнению, что каждая из процедур, предложенных Дюркгеймом, актуальна, и им необходимо следовать, но только в том случае, если для анализа данных сознательно и рационально используются теоретические конструкции. Сам Дюркгейм всё же держит в уме общую теорию, но не признает этого. Это придаёт его коллариям и правилам догматический, замкнутый в эмпирическом пространстве характер, они низко адаптивны и не имеют вариантов развития. Политическое регионоведение – это как раз тот уровень социального исследования, где многие из этих методологических проблем разрешимы.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 349 с.
2. Weber M. The Methodology of the Social Science. Glencoe (Illinois): The Free Press, 1949. Pp. 81–112.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 74–85.
4. Дарвин Ч. О происхождении видов. Петербург: Тип. Ф. С. Сучинского, 1868. 936 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
6. Гофман А. Б. Формы социологического редукционизма // История теоретической социологии. Том 1. М.: Изд-во «Канон», 2002. С. 132–146.
7. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Университет, 1997. С. 143–161.
8. Рэдклифф-Браун А. Р. Метод в социальной антропологии. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 169 с.

METHODOLOGY OF E.DURKHEIM'S RESEARCH AND POSSIBILITY OF ITS USAGE IN POLITICAL REGIONAL STUDIES

Bystryantsev S. B.

*FGBOU VO "Saint-Petersburg State Economic University", St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: bistryanstev@yandex.ru*

In his basic research "Regional geopolitics of stable development" N.V.Bagrov paid a lot of attention to methodology. The article presents one of the possible methodological trends which develops certain programs of geopolitical research. Classification procedure was derived by E.Durkheim from natural sciences, mostly from biology. Classification is the procedure of combining of information into some generalized category. Most often classification is made when further comparison and advancement of a concept is planned. The goal of classification - an attempt to compare, combining into conception, volumes of data which are discrete and supposedly not closely related. It answers the purposes of political regional studies which has interdisciplinary character.

Keywords: E.Durkheim, methodology, classification, regional geopolitics.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ Э. ДЮРКГЕЙМА И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕГИОНОВЕДЕНИИ

References

1. Durkheim E. Sotsiologiya. Yeyo predmet, metod, prednaznachenije (Sociology. Its subject, method, purpose). Moscow: Canon (Publ.), 1995, 349 p. (in Russian).
2. Weber M. The Methodology of the Social Science. Glencoe (Illinois): The Free Press (Publ.), 1949, pp. 81–112. (in English).
3. Weber M. Izbrannyye proizvedeniya (Selected works). Moscow: Progress (Publ.), 1990, pp.74–85 (in Russian).
4. Darvin Charl'z. O proiskhozhdenii vidov (On the origin of species). Peterburg: Tip. F. S. Sushchinskogo (Publ.), 1868. 936 p. (in Russian).
5. Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Method of sociology (On the division of social labor. Method of sociology). Moscow: Nayka (Publ.), 1991. 572 p. (in Russian).
6. Hoffman A. B. Formy sotsiologicheskogo reduksionizma (Forms of Sociological Reductionism).History of Theoretical Sociology. Moscow: Publishing house «Canon» (Publ.), 2002,pp. 132–146 (in Russian).
7. Hoffman A. B. Sem' lektsiy po istorii sotsiologii (Seven lectures on the history of sociology). Moscow: University (Publ.), 1997, pp. 143–161 (in Russian).
8. Radcliff-Brown A. R. Metod v sotsial'noy antropologii (Method in Social Anthropology). Moscow: Canon-Press (Publ.), 2001, 169 p. (in Russian).